

Человек на своем месте

ЮБИЛЕИ

Валерий ФОКИН

Публика не любит, когда ломается прочно устоявшийся взгляд на артиста, да и наш брат-режиссер часто предпочитает заикливаться на одном. В восприятии Зиновия Гердта этот штамп особенно силен. В сознании большинства он артист и человек весьма определенный — всегда остроумный, ироничный, блестящий рассказчик. И в связи с его юбилеем, 80-летием, об этом будет наверняка не раз сказано. Мне же хочется поговорить о Гердте, которого, быть может, знают очень немногие.

Я часто думаю, откуда в нем эта тонкость, элегантность, умение получать удовольствие от жизни? Наверное, эти качества свойственны преимущественно людям, немало пережившим, многим переболевшим душевно и физически. Для Зиновия Ефимовича это прежде всего война, ранение, два года почти полной неподвижности. Он жаждет до людей, но "коллекционировать" их предпочитает не по рангу, а исключительно по душевным качествам. Для него важен не род занятий человека, а то, какой он "пробы". Но были случаи, когда Зиновий Ефимович обманывался, тут же мысленно для себя этого человека зачеркивая. Хотя об этом Гердт предпочитает умалчивать. И можно предположить, что изысканный, самого высокого класса юмор — необходимое средство самозащиты.

Впервые мы встретились с ним в 1977 году в работе над спектаклем "Монумент" по пьесе Э.Ветемаа в театре "Современник". Он жутко боялся после такого большого перерыва выходить на драматическую сцену, но тем не менее сыграл достойно. Его персонаж — элегантный ироничный господин — в чем-то был близок самому Зиновию Ефимовичу. Потом мы сделали с ним на телевидении балзаковского "Кузена Понса". Это была очень хорошая, но все-таки традиционная работа для Гердта, которого все привыкли видеть либо ироничным, либо жалковато-трогательным.

Несколько лет назад в Германии я нашел пьесу Танкреда Дорста "Я, Фейербах...". Возникло желание сделать телевизионный спектакль с Гердтом в главной роли. Меня привлекла сама ситуация театрального показа, и подумалось, что и Зиновию Ефимовичу будет интересна возможность совсем другого проявления.

Мы репетировали и снимали в Новгороде, на сцене местного драматического театра. Обстановка была довольно тяжелой, не всегда располагающая к творческому процессу, да и сам Зиновий Ефимович не был тогда в исключительно прекрасной физической форме. Но я был поражен тем, как он работал: пять дублей — пожалуйста, шесть — пожалуйста, столько, сколько нужно. А роль-то огромная, ведь по существу "Фейербах" — монопьеса. Его невероятная самоотверженность была примером для всей группы.

Гердт учил, как надо работать. На него можно было засматриваться — каждое замечание он пропускал через себя, пытаясь добиться того, что нам всем было нужно. Он существовал "на разрыв аорты", совершенно не жалея себя. Известна фраза Михаила Ромма о том, что "каждый кадр

надо снимать, как последний". Красиво сказано, но мы-то знаем, что в жизни не всегда так получается. Случай с Гердтом — исключение, подтверждающее это правило.

На съемках "Фейербаха" я узнал другого артиста — серьезно, с мощным трагическим багажом. В процессе репетиций мне вдруг стало казаться, что я вижу его в иной роли. Потом я понял, что тот другой — Король Лир. В Гердте раскрылся целый набор свойств, способных стать основой для шекспировской роли. В знаменитом фильме Г.Козинцева он дублировал Лира — Ярвета. Зачастую бывает, что дублирующий актер играет нечто свое, голос же Гердта абсолютно совпал с игрой Ярвета, в какой-то степени укрупнив образ, возвысив его.

Внезапная догадка помогла по-новому взглянуть на Зиновия Ефимовича, на его редкую артистическую природу, сочетающую внешность "маленького" человека и героическое нутро. Это несоответствие внешнего и внутреннего придает необычайную манеру его индивидуальности. В этом смысле его, конечно, "пропустили" режиссеры. В свое время Петр Тодоровский попытался разрушить привычный взгляд на Гердта, дав ему главную роль в володинском "Фокуснике". Его долго не хотели утверждать, но он сыграл там едва ли не лучшую свою роль в кино. В нем была нетрадиционная по советскому времени элегантность — красивый человек, с каким-то белым шарфом, рядом с красивой женщиной...

Мне все-таки кажется, что тогда Гердт не был готов сыграть Лира. Сегодня же в нем есть мудрость и понимание цены каждого жизненного поступка, а наряду с этим огромный внутренний темперамент пополам с детскостью и простодушием. И даже внеш-

ние данные играют на образ — маленький, невзрачный человек рядом со своими взрослыми красивыми дочерьми. Он был бы замечательный Лир, без традиционных котурнов, такой "Лир на оборот". Я не видел, как играл эту роль Михоэлс, но, наверное, между ними могла бы возникнуть, пусть и косвенная, связь.

Сам же Гердт все время подчеркивает, что он не артист. И действительно, у него нет глупого актерского самолюбия и мелкого тщеславия, но раз он всю жизнь этим делом занимается, то стало быть, чуть-чуть лукавит. Вспоминаю сегодня то бесстрашие, с которым он "вкалывал" на "Фейербахе", хочется повторить слова Мейерхольда о том, что "в театре надо служить, а не работать". Это служение Гердтом никак не формулируется, он просто каждый раз тратит себя, порой сжигая до конца. Пожалуй, это мне в Зиновии Ефимовиче дороже всего. Он — живое воплощение тех заветов, о которых мы привыкли читать в книгах и думать, что из реальной жизни они навсегда ушли. Но нет же, вот оно — неизбитое, настоящее.

Я думаю, что Гердт занимает в нашей среде место, которое принадлежит только ему. Он, как некий мостик, осуществляет связь между поколениями людей, с которыми общался в 30-х годах, во время Великой Отечественной войны, и теми, кто его окружает сейчас. Один исторический пласт перешел в другой, в третий, образовав своеобразный "многослойный пирог". И в этом смысле роль Гердта в культурном контексте нашей страны трудно переоценить.

Сегодня мало осталось людей, которые видели живым Мейерхольда, Гердт — один из немногих. И дело, конечно, не в том, что он его ярко показывает, гораздо важнее, что Зиновий Ефимович впитал в себя его природу: с одной стороны, очень актерскую, с постоянной жадной быть у всех на виду, и одновременно с этим гениальную. Почему-то мне часто вспоминаются свидетельства очевидцев о том, как Мейерхольд в последние годы жизни называли "молодым человеком". Валентин Николаевич Плутчик рассказывал, как однажды после какой-то репетиции они с приятелем стояли около театра — шел дождь, и настроение было неважное. Вдруг вышел Мейерхольд, взглянул на них и воскликнул: "Дождь! Туман! Мопасан!", — и пошел по улице, в дождь, без зонта. Мне кажется, что это ощущение "прекрасности" и неповторимости каждого мгновения есть и в Гердте.

Несмотря на опыт, многочисленные звания и регалии, в нем напрочь отсутствует абсолютная уверенность в себе, каждый он готов все начинать с нуля, учиться и переживать, словно новичок. А по убеждению Мейерхольда, это и есть самое прекрасное в искусстве — на каждом жизненном этапе вновь и вновь чувствовать себя учеником.

фото В.ЯЦУНЫ

Зиновий Гердт рассказывает